

K. Hale, S.J. Keyser. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge (MASS): MIT press. 2002. x + 286 p.

Книга Кена Хейла и Самуэля Кейсера “Введение в теорию аргументной структуры” является результатом многолетних трудов авторов над описанием аргументной структуры лексических единиц и ее взаимодействия с другими аспектами грамматики. Авторы широко известны своими работами как на материале английского языка, так и на материале языков Австралии и Америки. Как пишут сами авто-

ры, их книга – попытка остановиться и проанализировать пройденный путь, собрав воедино и доработав материалы из множества уже опубликованных работ. Как оказывается, такой подход имеет и очевидные плюсы, и определенные минусы.

Итак, книга посвящена теории аргументной структуры лексических единиц. При этом под аргументной структурой понимается синтакси-

ческая структура (или, иначе, структура синтаксических отношений), которая привязана к определенной лексической единице, выступающей в роли вершины, обусловлена ей (или в терминологии авторов, “проецируется” лексической единицей) и представлена в виде дерева составляющих. Вводятся всего два возможных структурных отношения в рамках аргументной структуры: отношение “вершина – комплемент” (head – complement) и отношение “спецификатор – вершина” (specifier – head) и даются следующие определения:

(1) X является комплементом вершины H, если X является единственной сестрой H в дереве составляющих (X и H имеют взаимный структурный приоритет)¹.

(2) Если X является спецификатором вершины H и P является первой проекцией H, то X является единственной сестрой P.

Далее авторы выделяют четыре логически возможные типа аргументной структуры:

I) вершина не требует ни комплемента, ни спецификатора;

II) вершина требует комплемент, но не требует спецификатора;

III) вершина требует и комплемент, и спецификатор;

IV) вершина требует спецификатор, но не требует зависимого комплемента.

Последняя ситуация может возникнуть только в результате объединения двух структур, так как при непосредственном сочетании двух синтаксических единиц (merge) всегда возникает отношение “вершина – комплемент”. Никакая лексическая единица не может непосредственно комбинироваться со своим спецификатором. Поэтому вершина, требующая присутствия спецификатора, должна сама стать комплементом другой вершины, и уже эта вершина проецирует позицию спецификатора.

Указанные типы обнаруживают определенную корреляцию с частями речи. Так, тип I свойствен прежде всего существительным, тип II – глаголам, тип III – предлогам, а тип IV – прилагательным. Однако, несмотря на то, что такое соответствие типологически устойчиво, авторы все же предпочитают считать, что в общем случае тип аргументной структуры лексической единицы и ее частеречная принадлежность – два независимых параметра.

¹ О русских эквивалентах терминов грамматики непосредственных составляющих, используемых авторами, подробнее см., например, в [Тестелец 2001: 107 и сл.].

В первых трех главах авторы рассматривают материал английского языка и на его основе выстраивают свою теорию аргументной структуры. Эта теория призвана объяснить различие в поведении разных типов английских глаголов по отношению к двум синтаксическим свойствам. Первое из них – лабильность (или так называемая “инхоативно-транзитивная” альтернатива). Многие глаголы английского языка проявляют способность возглавлять как непереходную, так и переходную клаузу, при этом аргумент, который выступал в роли подлежащего при непереходном употреблении, при переходном употреблении становится прямым дополнением. Например:

(3a) *The leaves turned red* ‘Листья покраснели’.

(3b) *The cold turned the leaves red* ‘Листья покраснели от холода’ (букв. ‘Холод сделал листья красными’).

(4a) *The screen cleared* ‘Экран очистился’.

(4b) *I cleared the screen* ‘Я очистил экран’.

К этому классу относятся все глаголы, образованные от прилагательных (в том числе и те, которые образованы при помощи специальных морфологических показателей, например *redde* ‘краснеть’). Однако этим свойством обладают далеко не все глаголы английского языка. Ср. следующие примеры с непереходным глаголом:

(5a) *The engine coughed* ‘Двигатель забарахлил’.

(5b) **I coughed the engine*.

По мнению авторов, это различие в синтаксическом поведении напрямую связано с различиями в аргументной структуре, которую проецируют лексические единицы. А именно, участие в инхоативно-транзитивной альтернативе возможно лишь в том случае, если в аргументной структуре глагольной вершины присутствует спецификатор (типы III и IV). Так, глагол в примерах (3a) и (3b), допускающий как переходное, так и непереходное употребление, имеет аргументную структуру типа IV, так как его аргументная структура включает глагольную вершину (в данных примерах *turn*), которая в качестве комплемента принимает требующую спецификатора (здесь *the leaves* ‘листья’) адъективную лексику (в данных примерах *red* ‘красный’). Авторы подробно описывают синтаксический механизм, который обуславливает данную структуру. При непереходном употреблении глаголов, образованных от прилагательных, вершина их аргументной

структуры является единственной глагольной вершиной клаузы, и при этом она не приписывает винительного падежа. Так что для получения падежа спецификатор данной структуры поднимается в позицию подлежащего предложения, где ему приписывается именительный падеж. При переходном употреблении данная аргументная структура становится компонентом еще одной глагольной вершины, которая и приписывает спецификатору винительный падеж. Подлежащим же становится другая именная группа, являющаяся внешним аргументом по отношению к глаголу: *the cold* 'холод' в примере (3b), *I* 'я' в примере (4b).

Непереходные же глаголы, не имеющие переходных употреблений, обладают аргументной структурой типа II, т.е. без спецификатора (см. ниже). При непереходном употреблении их подлежащее исходно является внешним по отношению к глаголу аргументом. Переходное же употребление невозможно, так как просто отсутствует кандидат на роль прямого дополнения: нет именной группы, которая могла бы принять винительный падеж от более высокой глагольной вершины.

Помимо лабильности авторы рассматривают еще одно свойство лексических единиц, которое определяется их аргументной структурой: конструкцию с так называемым средним залогом (*middle construction*). Например:

(6) *This paint thins easily* 'Эта краска легко разводится / Эту краску легко развести'.

(7a) *He bagged the apples* 'Он упаковал яблоки'.

(7b) *These apples bag easily* 'Эти яблоки легко пакуются / Эти яблоки легко упаковать'.

Опять же, многие глаголы не допускают такого употребления, ср.:

(8a) *He made a fuss* 'Он поднял шум'.

(8b) **A fuss makes easily*.

Возможность данной конструкции, по мнению авторов, также объясняется наличием спецификатора в аргументной структуре глагола – конструкция со средним залогом возможна только с аргументными структурами, в которых присутствует спецификатор. Аргументная структура глагола в примере (6) относится к типу IV, так как здесь мы имеем дело с глаголом, образованным от прилагательного *thin* 'тонкий; редкий; жидкий'. Аргументная структура, предлагаемая авторами для примеров типа (7), в которых участвует так называемый "глагол перемещения", более сложна и будет описана позже, однако она также включает

спецификатор. В примерах же (8) аргументная структура глагола относится к типу II, т.е. включает глагольную вершину (*make*), которая принимает в качестве компонента именную группу (*a fuss*). Так как ни сам глагол, ни именная группа не требуют присутствия спецификатора, он не проецируется – и конструкция со средним залогом оказывается невозможна.

Авторы уделяют основное внимание трем типам глаголов. Во-первых, это так называемые "отыменные" глаголы, которые чаще всего (хотя и не всегда) соотносятся с именным корнем. Это непереходные глаголы, типа *sneeze* 'чихать', *cough* 'кашлять', *foal* 'жеребиться', *dance* 'танцевать' и др. Их аргументная структура относится к типу II. Она включает глагольную лексему и компонент, в роли которого выступает существительное. Сперва авторы предлагают считать, что в данном случае глагол фонологически пуст, а изначально фонологически наполненным является именно компонент, и лишь в процессе синтаксической деривации фонологическая оболочка переносится с компонента на глагол (этот процесс близок к инкорпорации, хотя авторы подробно рассматривают различия между этими процессами). Однако впоследствии по ряду причин (см. ниже) авторы отказываются от этой точки зрения и приходят к тому, что сама лексическая единица в данном случае имеет неопределенную категориальную принадлежность (может выступать как в роли глагола, так и в роли существительного в зависимости от синтаксической позиции), и в данном случае мы имеем дело с полноценным непустым глаголом. В этом случае нулевым оказывается именно дополнение (хотя в других случаях оно может реализовываться и полноценной именной группой). Поскольку в аргументной структуре отыменных глаголов отсутствует спецификатор, они не могут участвовать в инхоативно-транзитивной альтернативе и в конструкции со средним залогом.

Во-вторых, это глаголы, "образованные от прилагательных". К этому классу относятся глаголы *redden* 'краснеть', *melt* 'таять', *thin* 'делаться(ся) тонким, жидким', *clear* 'очищать(ся)' и др.² Как уже говорилось, аргументная структура этих глаголов относится к типу IV. Глаголь-

² Следует отметить, что обозначение данного класса в некоторой мере условно, так как в этот же класс попадает ряд глаголов, напрямую не связанных с прилагательными, типа *break* 'ломать(ся)'; но возможность таких исключений не отрицается авторами, так как связь с частью речи – это всего лишь тенденция.

ная вершина в данном случае нулевая, в то время как прилагательное имеет полноценную фонологическую оболочку. Поскольку прилагательное должно относиться к какой-либо именной группе, оно требует наличия спецификатора в той структуре, в которой оно находится, и этот спецификатор здесь проецирует глагольная вершина. При этом прилагательное “инкорпорируется” в нулевую глагольную вершину (отчего на поверхности оно и выступает в роли основного предиката). Аргументную структуру типа IV могут иметь и ненулевые глаголы, принимающие в качестве дополнения прилагательное (см. в (3)), и здесь также присутствует позиция спецификатора. Как уже указывалось, глаголы этого класса свободно участвуют в инхоативно-транзитивной альтернатиции и допускают конструкцию со средним залогом.

И наконец, третий тип глаголов, оказавшийся в фокусе внимания авторов, – это глаголы, связанные с перемещаемым объектом или местом, куда перемещается некоторый объект (location and locatum verbs), например, *saddle* ‘седлать’, *shoe* ‘обувать’, *salt* ‘солить’, а также *bag* ‘паковать’, *cage* ‘помещать в клетку’, *shelve* ‘ставить на полку’:

- (9) *I shelved the books* ‘Я поставил книги на полку’.
 (10) *She saddled the horse* ‘Она оседлала лошадь’.

Авторы проводят аналогию между конструкциями с этими глаголами и конструкциями с глаголами типа *put* ‘ставить, класть, помещать’:

- (11) *I put the books on the shelf* ‘Я поставил книги на полку’.

Глагол *put* имеет аргументную структуру типа II, в которой, однако, в качестве компонента выступает более сложная аргументная структура типа III, где вершиной является предлог, спецификатором – именная группа, выступающая на поверхности в винительном падеже (*books* ‘книги’ в примере 11), а компонентом – именная группа со значением места (*the shelf* ‘полка’ в данном примере). Согласно авторам, глаголы перемещения участвуют в похожей синтаксической структуре, с тем лишь отличием, что предлог в данном случае нулевой и на его компонент накладываются определенные семантические ограничения, благодаря чему он тоже может быть нулевым. При этом наличие в структуре спецификатора (именной группы, которая в данном случае при переходном употреблении на поверхности вы-

ступает в винительном падеже, а при непереходном – в именительном) позволяет глаголам данного класса участвовать как в инхоативно-транзитивной альтернатиции (см. примеры 12а и 12b), так и в конструкции со средним залогом (см. пример 7).

- (12a) *The pigs splashed mud on the wall* ‘Свиньи разбрызгали грязь по стене’.
 (12b) *Mud splashed on the wall* ‘Грязь разбрызгалась по стене’.

Однако оказывается, что не все ограничения на лабильность и участие в конструкции со средним залогом можно объяснить исключительно на основе аргументной структуры. Например, часть глаголов перемещения допускает непереходное употребление (пример 12), а часть не допускает, хотя аргументная структура этих глаголов предположительно идентична.

Аналогично, часть экспериенциальных глаголов и глаголов физического воздействия участвует в конструкции со средним залогом (пример 13), а часть не допускает такого употребления (пример 14):

- (13a) *The truth angers politicians* ‘Правда раздражает политиков’.
 (13b) *Politicians anger easily* ‘Политики легко раздражаются’.
 (14a) *My kids love French films* ‘Мои малыши любят французские фильмы’.
 (14b) **French films love easily*.

Для объяснения этих явлений (чему посвящена вторая глава книги) авторы обращаются к лексической семантике рассматриваемых глаголов. Интуитивно понятно, что глаголы перемещения, допускающие непереходное употребление, в своем лексическом значении содержат какую-то информацию о пациенте, в то время как глаголы, не допускающие такого употребления, содержат информацию об агенте. Похожие наблюдения можно сделать и в отношении рассматриваемых классов экспериенциальных глаголов и глаголов физического воздействия. Авторы разрабатывают формальный механизм, схожий с механизмом связывания в теории анафоры, который, с одной стороны, позволяет уловить интуицию относительно лексического значения рассматриваемых глаголов, а, с другой стороны, легко встраивается в предлагаемую теорию аргументной структуры, взаимодействуя с ней.

Третья глава устроена несколько необычно. В ней авторы разрабатывают подробную теорию синтаксического процесса, который они называют “слияние” (conflation), и ограничений на этот процесс, однако в конце главы прихо-

дяд к выводу, что (по крайней мере, в английском языке, материал которого и находится в центре внимания) этот процесс вообще не следует постулировать. Согласно разрабатываемой теории, если при соединении (*merge*) вершины и комплемента первая имеет “пустую фонологическую матрицу”, то фонологическая матрица комплемента автоматически копируется на вершину и у комплемента стирается. При этом все остальные семантические и синтаксические признаки комплемента остаются неизменными. Этот процесс, как считали авторы, происходит в случае отыменных глаголов, глаголов, образованных от прилагательных, и глаголов перемещения, когда нулевая глагольная или предложная вершина принимает в качестве комплемента полноценную лексическую единицу. Кроме того, этот же процесс участвует в транзитивации, когда нулевая глагольная лексема в качестве комплемента принимает глагольную группу, и фонологическая оболочка этой группы копируется на нулевой глагол. При этом авторы подчеркивают отличие данного процесса от процесса инкорпорации, подробно описанного в [Baker 1988], что подтверждается особенностями поведения глаголов перемещения. Однако оказывается, что эта теория сталкивается с серьезными трудностями. В английском языке отыменные глаголы в ряде случаев могут иметь переходные употребления. Авторы различают два таких случая: конструкции с “внутренним” объектом (*cognate object constructions*; пример 15) и конструкции с гипонимичным аргументом (*hyponymous argument construction*; пример 16).

(15) *She slept the sleep of the just* ‘Она спала сном праведника’.

(16) *He danced a jig* ‘Он станцевал джигу’.

Очевидно, что эти конструкции являются проблемой для описанной теории “слияния”, так как она предполагает, что на месте дополнения изначально находился именной корень, который затем передает свою фонологическую оболочку нулевой глагольной вершине. Более того, согласно этой теории после переноса фонологической оболочки ничего в своих формах дополнения не меняется, оно просто само становится фонологически пустым, так что в синтаксической структуре просто отсутствует место для еще одного дополнения. Сходная проблема возникает и с глаголами перемещения (пример 17):

(17) *He shelved the books on a windowsill* ‘Он поставил книги на подоконник’.

В результате, авторы вынуждены отказаться от процесса “слияния” и признать, что в словаре существуют категориально неопределенные единицы, способные в зависимости от синтаксической позиции выступать как в роли существительного, так и в роли глагола. Более того, выступая в позиции глагола, эти единицы могут накладывать ограничения на семантические свойства своих дополнений (так, глагол *dance* ‘танцевать’ требует, чтобы его дополнение обозначало вид танца). Однако встает вопрос, что же происходит с дополнением при переходном (наиболее частотном) употреблении этих глаголов? Авторы предлагают считать, что именно наличие упомянутых ограничений и является необходимым условием для возникновения нулевого дополнения. Правда, все это не касается глаголов, образованных от прилагательных. В этом случае по ряду причин (в частности из-за отсутствия конструкций типа 15 и 16) авторы остаются при точке зрения, что глагольная лексема получила фонологическую оболочку в результате синтаксического процесса (инкорпорации прилагательного). Итак, оснований для сохранения процесса “слияния” для рассматриваемого типа глаголов действительно не остается, хотя особый подход к глаголам, образованным от прилагательных, наносит определенный урон симметричности и последовательности теории и представляется не до конца обоснованным.

В четвертой главе авторы совершают попытку типологически расширить рамки своего исследования, привлекая материал четырех неродственных языков Северной Америки, где исследуется феномен “инхоативно-транзитивной” альтернативы, уже описанный выше для английского языка. Оказывается, что во всех рассматриваемых языках имеются лабильные и нелабильные глаголы, причем состав этих классов в различных языках семантически схож. Однако между рассматриваемыми языками и английским наблюдаются существенные различия. Так, в навахо (атабаскская семья) переходный вариант глагольной лексемы маркируется особым показателем, и лишь непереходный вариант немаркирован; в языке улва (мисумальпская семья) переходный и непереходный варианты глагольной лексемы различаются классными показателями, которые в обоих случаях ненулевые. Авторы замечают, что большинство глаголов, допускающих в этом языке подобную смену переходности, связано морфологически с прилагательными, хотя существуют и исключения. Как и в случае с английским языком, такое распадение на классы в отношении инхоативно-транзитивной альтернативы в этих языках авторы объясняют

различиями в аргументной структуре, проецируемой различными лексическими единицами.

Далее авторы рассматривают материал двух юто-ацтекских языков: папаго и хопи, где также существуют особые показатели переходности, делающие глаголы на два класса. Одни глаголы при присоединении этих показателей становятся переходными по схеме "инхоативно-транзитивной альтернации" (т.е. аргумент, являющийся субъектом при непереходном употреблении, становится прямым дополнением при переходном). Другие же при присоединении соответствующего показателя становятся переходными, присоединяя "новый" аргумент с семантической ролью бенефактива (а субъект остается прежним). Как и раньше, подверженность "инхоативно-транзитивной" альтернации объясняется через наличие позиции спецификатора. Однако в данном случае особенно интересным представляется анализ, предлагаемый для так называемой "аффективной конструкции" (конструкции с бенефактивным аргументом), которая свойственна отыменным глаголам. В папаго существует класс отыменных глаголов, образованных путем присоединения специального морфологического показателя со значением создания соответствующего объекта ('строить дом', 'делать корзину' и т.п.). Эти глаголы не участвуют в инхоативно-транзитивной альтернации, однако могут образовывать аффективную конструкцию ('делать для кого-л.') путем присоединения одного из показателей переходности. При этом показатель, образовавший эти глаголы от существительных, вытесняется. Авторы предлагают считать, что в данном случае показатель переходности играет иную роль, а именно, здесь он выступает в качестве глагольной вершины, принимающей именной комплемент, и имеет значение принадлежности. В процессе синтаксической деривации именной комплемент инкорпорируется в вершину, создавая отыменную глагольную лексику. При этом глагольная вершина со значением принадлежности, предполагающая в числе аргументов как обладаемое, так и обладающего, проецирует аргументную структуру типа III. Эта структура имеет спецификатор, так что может транзитивироваться стандартным образом, получая значение каузации к обладанию. Таким образом, значение 'строить дом для кого-то' сводится к значению 'делать так, чтобы кто-то имел дом'. Сразу возникает вопрос о семантической приемлемости такого анализа аффективной конструкции, однако никаких тестов на это авторы не приводят.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в языке хопи, где ряд отыменных глаголов со значением создания, не вступающих в инхо-

тивно-транзитивную альтернацию, также образуют аффективную конструкцию, однако в данном случае показатель отыменного образования не вытесняется, а сочетается с показателем переходности. В данном случае авторы предлагают считать, что иную функцию имеет не показатель переходности, а показатель, образующий глаголы со значением создания от существительных. Опять же, в этом случае этому показателю приписывается значение принадлежности, в результате чего просцируется аргументная структура типа III, которая затем становится комплементом для вершины, выраженной на поверхности показателем переходности. Это, как и в предыдущем случае, создает структуру аффективной конструкции, имеющую значение каузации обладания. Представляется, что данный анализ имеет определенные недостатки. В первую очередь это касается необходимости постулировать в обоих языках омонимичные аффиксы; более того, эти аффиксы в двух языках наделяются различными функциями. Если в папаго омонимичным оказывается аффикс переходности, то в хопи омонимичным признается деривационный аффикс, образующий отыменные глаголы. Кроме того, похоже, что ни в одной другой посессивной конструкции эти аффиксы не участвуют (для хопи это указывается самими авторами, для папаго этот вопрос не затрагивается).

При этом в данной главе авторы широко оперируют понятиями "слияние" (conflation) и "инкорпорация", и остается неясным как то, насколько эти процессы следует различать в отношении рассматриваемых языков, так и то, действительно ли в данном случае мы имеем дело с ситуацией, принципиально отличной от английского, где понятие "слияние" избыточно.

Пятая глава посвящена анализу конструкций с двойным объектом (double object construction) в английском языке. Авторы отстаивают точку зрения, согласно которой именная группа с ролью пациенса исходно находится в синтаксическом дереве выше именной группы с ролью адресата как в конструкции с предложным непрямым дополнением (пример 18), так и в конструкции с двойным объектом (пример 19), но в последней аргумент с семантической ролью адресата поднимается в процессе деривации.

(18) *She gave a book to her daughter* 'Она дала дочери книгу'.

(19) *She gave her daughter a book* 'То же'.

Эта точка зрения обосновывается, исходя из данных о синтаксическом поведении вторичных предикатов, особенностях деривационной морфологии, а также на основании семантики

конструкции с двойным объектом в противопоставлении с конструкцией с предложным непрямым дополнением. Особенно интересен в данном случае анализ феномена так называемого “обратного анафорического связывания” (backward binding) (пример 20).

- (20) *I showed each other's pictures to the boys* = ‘Я показал каждому мальчику фотографии другого’ (букв. ‘показал мальчикам фотографии друг друга’).

Для него авторы привлекают тот же аппарат (хотя и несколько расширяя его), что и для анализа семантических ограничений на участие глаголов в инхоативно-транзитивной альтернативе и в конструкции со средним залогом.

В шестой главе авторы касаются проблемы глаголов, традиционно относимых к классу “неаккузативных” на основании того, что они могут участвовать в так называемой конструкции с субъектным эксплетивом *there* (*there*-insertion). Это глаголы типа *arrive* ‘прибывать’, *occur* ‘происходить’, *appear* ‘появляться’ и др., ср. пример (21):

- (21) *There arrived many guests (at the party)*
(На вечеринку) пришло много гостей’.

Такие глаголы проецируют аргументную структуру типа II, а компонентом их оказывается аргументная структура типа III, вершиной которой является предлог. Т.е. их аргументная структура синтаксически эквивалентна аргументной структуре глаголов перемещения, а также глаголов, образованных от прилагательных, в их переходном употреблении. Однако в отличие от последних двух классов, данные глаголы не имеют переходного употребления. Это отличие можно было бы объяснить тем, что глаголы типа *appear* не приписывают падежа спецификатору своего дополнения (в отличие от вершинных глаголов типа *put*), но авторам это представляется лишь “симптомом”, а не сутью проблемы. Основываясь на теории “падежного связывания” (case-binding theory), предложенной в [Bittner 1994], они постулируют довольно сложный синтаксический механизм, связывающий возможность употребления рассматриваемых глаголов в конструкции с *there* и невозможность их переходного употребления (причем авторы вновь пользуются теорией “слияния”, указывая, что их анализ является лишь предварительной попыткой решения данной проблемы).

В седьмой главе авторы касаются проблемы взаимодействия аргументной структуры с аспектуальными свойствами предикатов. Они показывают, что хотя в ряде случаев статив-

ность предикатной группы можно связать с категориальной (частеречной) принадлежностью ее вершины (это относится в первую очередь к прилагательным и, возможно, к экспериментальным глаголам), в общем случае это два независимых параметра. Вводится параметр “центрального vs. терминального совпадения” (*central vs. terminal coincidence*), в соответствии с которым каждая вершина, имеющая два аргумента в аргументной структуре, устанавливает либо стативное, либо динамическое отношение между этими аргументами. Так, предлог *at* в примере (22) выражает отношение “центрального совпадения”, т.е. его аргументы “неподвижны” относительно друг друга. В примере же (23) предлог *into* выражает отношение “терминального совпадения”, т.е. один из его аргументов изменяет положение относительно другого аргумента – цели перемещения.

- (22) *With Kirsten at Lincoln Center, ballet remains supreme* ‘С Кирстен в Линкольн-центре балет остается непревзойденным’.
(23) *Frankie walked into the room* ‘Фрэнк вошел в комнату’.

Авторы заключают, что аспектуальные свойства предикатов независимы от аргументной структуры в их понимании, а обусловлены другими компонентами грамматики, в частности теми семантическими отношениями, которые вершины навязывают своим аргументам.

Последняя глава книги посвящена подробному анализу возможной позиции спецификатора в аргументной структуре лексической единицы. В ней авторы показывают, что помимо непосредственного проецирования спецификатора существуют случаи “позднего введения” (*delayed gratification*) спецификатора. В этом случае лексическая единица, требующая присутствия спецификатора в своей аргументной структуре, сначала занимает позицию компонента при некоторой другой вершине, а затем уже эта вершина проецирует необходимый спецификатор. Авторы демонстрируют такую структуру на примере конструкций с частицами в английском языке (см. пример 24). Они убедительно показывают, что в этом случае необходимость предложной вершины в спецификаторе удовлетворяется лишь после того, как “ненасыщенная” аргументная структура предлога (вершина, в данном случае предлог *on* ‘на’, и дополнение, именная группа *the fence* ‘забор’) оказываются в позиции компонента к частице (в данном примере *up*).

- (24) *She put her saddle up on the fence* ‘Она повесила седло на забор’.

Кроме того, Хейл и Кейсер рассматривают еще одну известную альтернативу, проиллюстрированную в примерах (25) и (26):

(25) *They loaded hay onto the truck* 'Они грузили сено на платформу'.

(26) *They loaded the truck with hay* 'Они загрузили платформу сеном'.

Авторы доказывают, что если в конструкциях типа (25) спецификатор *hay* 'сено' находится внутри аргументной структуры предлога, то в предложениях типа (26) спецификатор, требуемый предлогом (*the truck* 'платформа; грузовик'), располагается выше в синтаксическом дереве, т.е. не входит непосредственно в аргументную структуру предлога, хотя его наличие и обусловлено свойствами предложной вершины.

Итак, в книге излагается оригинальный и не лишенный изящества подход к теории аргументной структуры, при котором авторы стре-

мятся обобщить механизмы, работающие в данной области. Основным недостатком книги является определенная непоследовательность изложения и несогласованность между отдельными частями (о чем, впрочем, предупреждают и сами авторы). Правда, следует заметить, что перед нами скорее отражение определенного этапа в развитии теории, чем изложение окончательно оформленной концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
Baker 1988 – M. Baker. Incorporation: A theory of grammatical function changing. Chicago, 1988.
Bittner 1994 – M. Bittner. Case, scope, and binding. Dordrecht, 1994.

С.А. Минор